

Мария Бурас, Максим Кронгауз

Фактор Зализняка

Мы поступили на отделение структурной и прикладной лингвистики в 1975 году. Это был чудный новый мир, не похожий ни на то, что было до, ни на то, что происходило вокруг в это же время. ОСиПЛ состоял из огромного количества дихотомий и антиномий, на усвоение которых уходило в среднем от 6 до 8 лет, что было проверено на собственном опыте: один из авторов проучился на ОСиПЛе шесть, а другой восемь лет. Жизнь осипловцев определялась не только учебой как таковой, но и несколькими ключевыми – осиплообразующими – мероприятиями: олимпиадой для школьников и лингвистическими экспедициями. В подготовке олимпиады и в экспедициях участвовали самые активные, самые умные, в общем, самые-самые студенты разных курсов вместе с аспирантами и преподавателями. Так формировался центр осипловского сообщества и осипловского пространства. Были еще и подмосковные походы, в которые ходили лингвисты Москвы. Получить приглашение в такой поход было для студента большой честью, и большой радостью было идти в составе растянувшейся на несколько километров цепочке лингвистов с небольшими уплотнениями вокруг самых великих...

Осипловцы всегда стремились выделить черты, присущие именно им, то есть решительно отграничить себя от внешнего мира. Например, была популярна мысль о том¹, что настоящий осипловец всегда добивается успеха, хотя и не обязательно в лингвистике: настоящий осипловец будет лучшим дворником, поваром и т. д., если судьба командирует его в эти области. В качестве примера обычно приводился только режиссер Лунгин, что, впрочем, не мешало всем радостно с этой мыслью соглашаться.

Раз уж мы упомянули антиномии, нельзя не сказать о странном сочетании демократичности и иерархичности, присущем этому месту. Кажется, что отношения на ОСиПЛе были гораздо более демократичными, чем в окружающем его мире – как между студентами и преподавателями, так и между студентами разных курсов. Но при этом существовала очень строгая иерархия, не связанная с официальным статусом, а опирающаяся на такие плохо формализуемые вещи, как талант, интеллект, экзотические знания².

Относительно последнего стоит сделать более общее замечание. ОСиПЛу вообще было свойственно стремление не к прагматичности (как следовало бы из критерия Успенского), а к экзотичности знания. Чем более экзотичными были знания, тем больше они ценились и тем выше было положение их носителя в иерархии.

Это определяло и отношение к учебе. Как Ландау делил науки на естественные, неестественные и противоестественные, так и читаемые на ОСиПЛе курсы делились на те, о которых в приличном обществе не говорят (история КПСС, политэкономия и т.п.), те, которые предназначаются всем, и те, что адресуются лишь посвященным (хотя, естественно, никаких ограничений на их посещение не существовало).

Может быть, самыми ценными из осипловских курсов и, безусловно, относящимися к третьему типу были спецкурсы, посвященные грамматикам отдельных языков. Они длились от одного семестра до нескольких лет. Изучение грамматики обычно сопровождалось чтением текстов на этом языке. Ценность этих курсов определялась

¹ Кажется, первоначально она принадлежала Владимиру Андреевичу Успенскому и должна была бы называться критерием Успенского.

² Отдельно ценились девическая красота и мужское остроумие, что, впрочем, не отличало ОСиПЛ от сопряженных территорий.

важной осипловской то ли антиномией, то ли дихотомией, утверждавшей, что лингвист полиглотом может и не быть, но много языков (читай *грамматик*) знать обязан.

Для нашего курса – да, наверно, и для всего ОСиПЛа – этот тип спецкурсов накрепко связан с именем Андрея Анатольевича Зализняка. Нам он читал санскрит, классический арабский, аккадский и древнеперсидский (этим, конечно же, общий список языковых курсов ААЗ не исчерпывался). И сейчас иногда вдруг всплывают в памяти целые куски: «Асид раджа нало нама вирасена суто бали...» Уж и не вспомнить сходу, ни что это точно значит, ни как это пишется. Но – одну молитву чудную твержу я наизусть...

Эти спецкурсы интересны не только с точки зрения их лингвистического содержания, их роли в формировании лингвистического мышления, но и с социальной и, не побоимся этого слова, с культурологической точки зрения.

Во-первых, на них сообщалось знание, чрезвычайно далекое от тогдашней (да и от сегодняшней тоже) реальности и в каком-то смысле противоположное ей. То есть степень экзотичности знания приближалась к максимальной.

Во-вторых, можно было говорить не только о ценности самих языков, но и о необычайной ценности культур, за ними стоящих. Эта перспектива в советское время была особенно важна, поскольку показывала возможные пути ухода от окружающей действительности и ее преходящесть в сравнении с вечной древностью.

В-третьих, на спецкурсы ААЗ ходили студенты разных лет обучения – и не только из МГУ, и не только студенты. На первое занятие приходила толпа³. При переходе к домашним заданиям (как правило, заключавшимся в чтении текстов) толпа редела, хотя слушателей оставалось все равно много. Даже через год это была приличная по количеству народа аудитория, хотя в занятиях активно участвовали лишь 5-7 человек.

Это означает, что можно говорить о двух уровнях сопричастности: первый – это действительно овладение сакральным знанием, а второй – непосредственное присутствие при его передаче.

Тут уместно вспомнить Сережу Луговского, который, учась на каком-то из старших курсов, озаботился нашим воспитанием. Он по конспектам начал читать нам курс грамматики древнего языка, который сам ААЗ в ближайшее время читать не предполагал. Сейчас уже трудно вспомнить, что это был за язык, да и дело ограничилось лишь несколькими занятиями и дальше не пошло. И понятно, почему не пошло: ценность курса грамматики отдельного языка и ценность общения с читающим его ААЗ были неразрывны, потеря одного компонента оказалась невозможной.

Объединявшие людей с разных курсов спецкурсы ААЗ не только находились в центре осипловского пространства, но и формировали его. Вполне возможно, что к ним в большей степени, чем термин «образование», применимо слово «воспитание». И в этом смысле их можно сравнить с олимпиадой и экспедициями. Общность интересов связывала студентов с разных курсов, аспирантов и тех, кто давно уже закончил университет.

Наиболее уместной здесь кажется метафора похода, только похода научного⁴. Большая толпа отправляется за единственным человеком, знающим маршрут, постепенно

³ Это, конечно, нельзя сравнивать с толпой, которая в последние годы приходит на лекции ААЗ про берестяные грамоты и не умещается в 9-й поточной аудитории. Толпа нашего времени не умещалась в просто больших аудиториях, таких, как 955 или 956.

⁴ Метафору похода, хотя и по другому поводу, но тоже в связи с ААЗ, предлагала в наши студенческие годы Анна Константиновна Поливанова.

вытягивается в цепочку, из которой выпадают отстающие. И только 5-7 человек бодрым шагом движутся к намеченной, но не вполне очевидной для них цели. Движение все, цель... ну, по крайней мере, не так важна, как процесс. Эти спецкурсы, как и походы, надолго объединяли тех, кто их слушал, а вспоминались, как и положено, пережитые трудности и смешные эпизоды, которых было в избытке.

Собственно, осталось довести эту идею до логического завершения. Спецкурсы, прочитанные ААЗ и посвященные грамматикам отдельных языков, были для нас осиплообразующими. А если уж идти до конца, то и Андрея Анатольевича Зализняка следует рассматривать как один из основных осиплообразующих факторов.

А для нас – и жизнеобразующих.